

Композитор Фарадж Караев

Мы нередко встречаемся с преемственностью музыкальных традиций в музыкальных семьях и видим очень хорошие результаты. Но при этом вот что любопытно отметить: как правило, дети «наследуют» смежную в музыке профессию. Скажем, отец — композитор (Дмитрий Шостакович), а сын Максим — дирижер; отец — композитор (Оскар Фельцман), а сын Владимир — пианист. А вот у композитора Кара Караева сын Фарадж тоже композитор и, несмотря на молодость, широко известен в нашей стране. Он родился и вырос в Баку, где уверенно заявил о себе как музыкант с собственным мироощущением, самобытный, глубокий. Четыре года назад на пленуме Союза композиторов СССР, посвященном творчеству молодых, блестяще прозвучала одна из самых значительных работ молодого Кара-

ев: «Думаю, музыкант встает на ноги в тот момент, когда он «ощущает» умение, мастерство. Под мастерством я разумею всю систему мировосприятия, строй мысли целиком, а не только техническую сторону сочинительства. Хотя вне техники нет и умения... Если хотите, схематически творчество — это отбор вариантов...» А Фарадж добавил: «Я бы даже так сказал: умение выбирать нужный вариант и есть умение сочинять музыку...»

В музыке Фараджа Караева, разной по жанрам, всегда чувствуешь эту точность выбора средств выражения, формы. Так утверждается цельность сочинения и его своеобразие, значительность осмысления жизни в самых контрастных ее проявлениях.

Первым настоящим успехом Фараджа стала его Первая фортепианная соната, написанная на четвертом курсе. Другая работа консерваторского периода — кантата «Пестрые истории» на стихи древнеримского поэта Клавдия Элиана — во многом подготовила и отличную его дипломную работу «Музыка для камерного оркестра, ударных и органа». Не случайно затем музыковеды отмечали, что это произведение можно было бы назвать и симфонией — по его масштабности. Уже после консерватории создаются два этапных для Фараджа произведения — Вторая фортепианная соната и Концерт-гроссо памяти австрийского композитора, классика двадцатого века Антона Веберна.

Караев-младший никогда не подражал в музыке отцу, и это тоже важно. Даже тогда, когда они вместе писали музыку к советско-немецкому фильму «Гойя», очень определенно поделили между собой всю будущую партитуру: ленты договорившись предварительно лишь об основных принципах драматургии и стилистики. А писали — каждый самостоятельно свою часть. Очень удачными были оба обращения Фараджа к балету. Широкою известностью получил его балет «Тени Кобыстана». Чисто национальное начало этого балета идет не от музыкальной цитаты из фольклора и не от простого интонирования музыки в фольклорном стиле, а от темперамента азербайджанского народного характера, ритмов, мироощущения. Кобыстан — это плоскогорье в Азербайджане, где около двадцати лет назад были обнаружены древнейшие наскальные рисунки. На сюжеты этих рисунков и написаны четыре яркие балетные сцены: охота, солнце, стихи, пожар...

Второй балет — «Калейдоскоп», названный музыкой замечательного итальянского композитора восемнадцатого века Скарлатти — блестящий дивертисмент, выполненный умелой рукой зрелого мастера-композитора. Впрочем, о творческой зрелости Фараджа можно говорить буквально по каждой его работе.

Молодой композитор не ищет в музыке легких путей и привычных «сюжетов». Его отличает большая собранность, серьезность, «выстраданность» творческого замысла. И если он сейчас обратился впервые к оперному жанру, написав вместе с бакинцем Олегом Фельзером либретто по пьесе Ануя «Эвридика» с включением стихов Аполлинера, Превьера, Мишю, Элюара и других французских поэтов, то можно не сомневаться: опера Караева прозвучит свежо, талантливо, своеобразно.

Н. ЛАГИНА.

Фото В. АКОПОВА.

ева — оркестровая сюита из балета «Тени Кобыстана».

— Музыку я не выбирал, — говорит Фарадж с улыбкой, — сначала меня для нее выбрали. Естественно, учился играть на фортепиано. Без особого энтузиазма. Да и особых надежд на меня как пианиста возлагать не приходилось — пальцы у меня по клавишам плохо бегали...

В седьмом классе музыкальной школы при Бакинской консерватории имени У. Гаджибекова Фарадж отказался было учиться дальше. Его еле уговорили: закончишь школу, а потом выбирай себе дело по душе. Но вот, переведясь в школе с фортепианного отделения на теоретико-композиторское, Фарадж неожиданно заинтересовался сочинением музыки и в десятом классе уже уверился, что этому стоит посвятить жизнь.

В консерваторию он поступил в класс отца. И это оказалось очень непросто: высокопринципальный, требовательный педагог, Кара Караев ни в чем не потакал сыну. Разговор между отцом и сыном превратился в сложный творческий контакт учителя и ученика, далеко не всегда приходивших к общему выводу.

— С первых дней учебы в консерватории и до третьего курса мы с отцом были в разладе. Творческом. Мы никак не могли найти общего языка. Причем я это позже понял, — рассказывает Фарадж, — прав был отец, заставляя меня заниматься «школой». Мне же хотелось немедленно делать что-то свое, необычное, но получалось это плохо, потому что сначала надо было овладеть большим комплексом знаний, навыков, «тайн» композиторского письма, да и просто жизненным опытом...

Потом, когда между отцом и сыном наступит полное понимание, Кара Караев в одном из интервью за-